https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

United States Holocaust Memorial Museum

Oral History Interview

Belarusian Witnesses Documentation Project

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

Анна Трофимова

28 октября 2011

Type #1

– Здравствуйте

– Здравствуйте

– Назовите пожалуйста, Ваше имя и фамилию

– Меня зовут Трофимова Анна Сулимановна

– Какого года рождения Вы?

– 1926-ой год

– Где Вы родились?

– Родилась в Минске

– Какое-то время тому назад к Вам приходили мои коллеги, и Вы рассказывали им о том, что Вы наблюдали, что Вы видели в годы Второй Мировой войны в Минске, и на этот раз мы приехали чтобы заснять Ваши воспоминания на видео.

Скажите пожалуйста, в 41-ом году, когда началась война, где Вы находились?

– В 41-ом году, в начале войны, мы, собственно, жили в своем доме, мы никуда не уехали, у нас даже не было возможности уехать, ведь неожиданно так война началась, и уже на 6-ой день немцы были в городе, не было у нас такой возможности. Кроме того, бабушка у меня моя еще была жива, но она уже была такая немощная, что бабушку никак, не с собой взять, не оставить же ее одну дома, так что мы остались. И семья наша состояла только из трех человек: мама, я и бабушка. Бабушка умерла в ноябре месяце 41-ого года, и мы остались вдвоем, но уже к тому времени моя

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

двоюродная сестра с матерью и сынишкой прибежали к нам, потому как в первые дни войны их дом от бомбежек сгорел, где они жили

– Так что Вы жили вместе с ним

– Они уже жили с нами, да, года где-то до 43-его, наверное, а потом они уехали в Новогрудок, там у них, у тети моей, эта тетя, она жена моего родного дяди, маминого брата.

– Вы помните, как было все, когда немцы вошли в город?

– Конечно, еще как. Немцы вошли в город 28-ого июня, через 6 дней, и в то время я была у своих родственников на улице Дмитриева, когда-то она называлась Большая Татарская, там наши родственники были, ну я у них была. Возвращалась уже домой, и вы знаете, как-то обезлюдила улица, обезлюдила, никого нет, иду я и еще паренек один, сосед наш, тех уже родственников, тоже там шел. И мы оказались, чтоб прийти к нам домой, надо было перейти железную дорогу, переезд железнодорожный. Никого нет, ну, мы идем вдвоем, уже Боже мой, по своей улице, можно сказать, совсем недалеко от дома. Вдруг на другой стороне железной дороги, через переезд мы видим мотоцикл и двое военных людей, почему военных, потому, что в форма, но форма совсем не такая, как у наших была, и мы опешили, мы остановились. А те между собой говорят, ну, мы сразу поняли, потому как не по-русски, и вообще, форма же совсем другая. Мы решили перейти на другую сторону, они нас не пускают через дорогу, наставили на нас автоматы. Мы дети еще, ну дети, мне уже было четырнадцать с половиной лет, когда, ну, и мальчик был примерно такого возраста. И вы знаете, я говорю: «Ну тогда пошли через дорогу, и там уже полями мы в общем-то пройдем к нам». Мы перебегать дорогу, а возле нас две пули отскочили так, от камней, тогда же не асфальтированная дорога была, так

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

отскочили. Ну, они, наверное, нас решили попугать, видят, что это еще ж, Господи, дети. Ну, мы так перебрались. Вот это моя первая встреча с немцами. Ну, а потом они уже шли, шли, шли, Бог ты мой, со всех сторон, не только ж с нашей стороны они там заехали.

– Скажите пожалуйста, Вам приходилось что-то наблюдать в годы войны связанное с судьбой евреев в городе?

– Ну конечно, мы с самого начала, во-первых, у нас были знакомые, друзья, близкие друзья были, и конечно они расклеили, организовали гетто, очень скоро

– Что расклеили?

– Листовки такие с сообщением, что необходимо евреям собраться там и там, сконцентрироваться в одном месте, в определенном, вот и начиналось, как мы говорили «переселение народов». Вы знаете, действительно, люди оставляли свои жилища, концентрировались в том месте, где уже сказали.

– Вы сами лично видели такие листовки?

– Конечно, я их читала тогда, и все ж читали, потому, что все сообщения были же через листовки

– Они были по-русски написаны или на другом языке?

– По-белорусски

– По-белорусски?

– По-немецки и по-белорусски.

– А какие знакомые у Вас были, или друзья, Вы помните какие фамилии, имена?

– Конечно. Мы наладили отношения с нашими хорошими знакомыми, со всей их семьей,

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Так что Вы говорили, что Вы сами видели такие листовки

– Да, конечно, видела и читала, а иначе как, радио же не сразу стало работать, ну, потом заработало радио, они тоже по радио передавали, но в основном в начале, так все шло через листовки

– А Ваши знакомые, какие у них фамилии, имена, Вы помните?

– Конечно. Фамилия Давидсон

– Давидсто

– Да, Давидсон. У них был свой дом, но потом они переехали в гетто тоже, в гетто жили там. Но немцы гоняли на работу женщин, гоняли на работу на железную дорогу. Слово не очень хорошее «гоняли», но иначе не скажешь, потому, что, вы знаете, прямо толпой, целым строем гоняли. Ну, их там чем-то кормили, так они брали с собой детей, и вот Фрума Давидсон брала с собой своих детей, но она брала девочку старшую Рахель. Девочку пускала к нам, потому, что, как я уже говорила, близко от железной дороги жили, и мы таким образом установили связь, мама ходила смотрела и таким образом мы установили связь, она девочку отправляла. Девочка, пока она работала, оставалась у нас, мы ее, конечно, подкармливали, а так, как у нас был свой дом и огородик при доме, участок такой приусадебный, так у нас, естественно, там редька, свекла была, морковочка своя уже, и мы, естественно, делились, и уже к вечеру мама все это положит в кошелку, и я уже ей несу, потому, что она была еще небольшая, а я уже была большая девочка, и я ей несу до этой железной дороги

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– А сколько лет было этой девочке?

– Девочка 32-ого года рождения. 9 лет

– То есть 9 лет было тогда

– Да.

– А ее отпускали оттуда, или там не охраняли вот этих женщин?

– Ну, детей нет, конечно, детей нет. Дети все так. Все женщины, кто мало-мальски имел каких-то знакомых, так все так детей, ну, надо же каким-то образом

– А их на работу гнали под конвоем, или нет, они сами ходили?

– Нет, под конвоем, но конвой такой, знаете, уже, что там женщин охранять, их не так уж много. Иногда полицаи их сопровождали, иногда немцы сопровождали, чаще полицаи сопровождали.

– Скажите пожалуйста, а Вы видели сами гетто минское?

– Ну конечно видела, потому, что оно же было в центре города, а надо же на другой конец города пойти, так надо его обходить. Были назначены места, улицы по которым можно было обходить, так вот буквально рядом

– Можете описать, что оно собой представляло, как оно выглядело это гетто?

– Ну, вы знаете, это такой очаг, очаг большого скопления, причем очень плотного скопления, очень большой плотности скопления народа, обнесенный колючей проволокой

– Там только проволока была, забора не было?

– Нет, колючая проволока. Колючая, во все стороны, знаете, колючечки. Ну, и так, по углам, и не только по углам,

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

на определенном расстоянии всегда какой-нибудь патруль, охрана, ну, не то, чтобы охрана, а вот, сторожевые, как мы их называли между собой псы, «сторожевые псы», мы так и говорили, в основном полицаи

– Полицаи местные были, или откуда-то приезжие?

– Да нет, и местные были, и приезжие были

– А немцев не было среди охранников, или были или немцы тоже?

– Бывали немцы. Вот, на этот, на погромы, так стояли с автоматами, стояли немцы. Автоматы такие, знаете, на земле стоят, на этом, станковые что ли пулемёты они назывались, и стояли, да

– Вы говорите, что на погромы. Что Вы имеете ввиду, какие погромы?

– Погромы - это уничтожение, физическое уничтожение еврейского населения. Расстреливали, избивали, гоняли на еврейское даже кладбище, оно входило в гетто, в территорию гетто, так их и там расстреливали, и там, в этом, в самом гетто расстреливали. Ворвутся в дом, расстреляют.

– Вы когда-нибудь наблюдали лично за такими погромами?

– Это было невозможно наблюдать. Это только могли, кто… не пускали же нас, мы же не могли зайти туда.

– То есть об этом Вы знаете от других людей

– От этих самых, которых мы спасали.

– От этой еврейской семьи?

– От еврейской семьи, конечно

– От их услышали?

– И других, были ж у нас знакомые

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Вот Вы говорите, что там было очень большое скопление людей. Эти люди, они находились на открытой территории, или они жили в каких-то домах внутри, когда Вы проходили, что Вы видели?

– Нет, они жили в домах, в квартирах, но, представляете, когда столько людей в какой-то небольшое пространство, так они жили, Боже мой, ужасно, в ужаснейших условиях жили

– Опишите, что Вы видели, потому, что Вы говорите, что ужасные условия, но что именно, вот Вы видели из этих условий?

– Ну, я сама не разу в гетто не была

– Я понимаю, но снаружи, когда Вы проходили мимо, что Вы видели? Например, где они спали, как одеты

–Ну

– Все спали внутри?

– Внутри, конечно. О–ни уже научились, вот наши, которые спасались у нас, многие же были знакомые и друзья, не только ж мы одни были, еще люди были, которые спасали людей, так убегали и прятались. На все погромы у нас вся семья пряталась, а семья была 5 человек: Давидсон Изроял, Давидсон Фрума, жена его, и трое детей, вот Рахель, Мира, Мира уже умерла, вот не очень, да, умерла, и Вова, мальчик. Вова вообще был 38-ого года рождения, нет, 39-ого года рождения, и мы ему даже метрику не очень давно, в прошлом году, посылали, брали здесь. 39-ого года рождения, вот трое детей и их двое, пять человек, они всегда у нас, как уже погром, они уже чувствуют, они уже прибегают к нам. Оставляли Вову даже, маленького мальчика, на несколько дней после погрома у нас оставляли. Вот таким образом они и выжили

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– И много раз они так прибегали?

– На все погромы, на все погромы

– Но сколько таких погромов было? Там, 2, 5, 10?

– Я не могу вам сказать

– Не помните?

– Погромов было много, причем, очень такие массовые там расстрелы были, Боже мой, рассказывали же люди. Так вы знаете, а в 42-ом году Изроял Давидсон к нам пришел и остался, остался у нас жить, и целый год он у нас жил. Ну как жить, этот человек…

– Сколько лет ему было тогда?

– Ну я не знаю, он, по-моему, 8-ого года рождения, да, он 8-ого года рождения. Так я даже его, ну, вот… Он у нас дома, как я уже говорила, у нас был дом, ну и естественно, такие постройки хозяйственные были, и он у нас в сарае под пленницей вырыл себе, как они сами называли евреи «малину», этот такой схрон, вырыл себе схрон, и он целый год у нас жил

– Вы не боялись, семья не боялась, что

– Как не боялась, конечно боялась, мы все жили под страхом, мы все жили под страхом, потому, что немцы не только, ну, евреев, так это уже как нацию истребляли, как нацию, а нас уже так они облавы, так и назывались, делали время от времени облавы. Что значит облава: это приходит группа немцев и делает перетрус, такой, уже знаете, обыск. Всюду залазят и все, все, все, все. Ну, и вот так.

– А с какой целью? Что они искали, или что хотели?

– Ну, они нам не объясняли, они нам не объясняли что. Или они искали оружие, или что.

– И у вас такие облавы бывали дома?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Конечно. У нас даже была облава один раз такая, что он у нас уже был, сидел в этой малине своей, под поленницей, и пришли немцы. Ну, пришла группа немцев, посмотрели-посмотрели, такие уже пожилые, потому, что у них уже тоже всякие служили, от пожилых до детей, можно сказать. Походили, походили, зашли в сарай, ну, посмотрели, ну что, какой у нас сарай, в сарае скота у нас никакого нет, птиц у нас нет, в смысле курей, ничего, ну, лежат дрова и лежат дрова, посмотрели и пошли. А потом, прошло некоторое время, мы уже с мамой так обрадовались, думаем, ну, уже все. Через некоторое время опять заходят, эсэсовец, офицер в дом, а целая группа таких здоровенных пошли, 6 человек мама насчитала, пошли в сарай. По всем углам, по всем углам смотрят, смотрят и уже поленницу эту стали разбрасывать. Но мама моя, он владела немецким языком, она ему говорит: «У нас уже был один контроль». О, раз уже был, он вышел и им сказал, уже забрал их, а так, представляете, чтобы нам. Нам светил, что расстрел, так конечно, они могли бы и сжечь, как они делали, сжигали же людей в домах, и не только в одном доме, целую улицу сжигали

– Так что этот человек прожил у вас в доме, вот так спрятавшись

– Да, целый год.

– До какого года? Когда он ушел от вас?

– Он в 42-ом году у нас уже остался, и в 43-ем году вся семья пришла к нам, это было в июне месяце, где-то, он и пришел к нам в июне месяце 42-ого года, а в июне месяце 43-его вся семья у нас собралась, и они еще переночевали у нас, оделись, ну, покушали конечно, что мы могли дали им с собой, и они ушли в партизаны.

– А до этого семья находилась в гетто?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– В гетто, но я же говорю, на все погромы…

– Только он один, как бы отдельно?

– Ну конечно, мы же не могли взять целую семью, где ж мы ее спрячем? А знаете, это ж не иголка, а люди, а люди ж вокруг тоже живут, так в общем-то вот такое, да. Все погромы они у нас прятались, а он у нас целый год жил.

– А сколько времени просуществовало это гетто?

– В 43-ем году, это как раз они на последний погром они к нам и прибежали, и потом уже..

– И потом уже к партизанм

– Им уже некуда было и возвращаться, потому, что гетто, это уже был последний уничтожающий погром. Гетто уже прекратило существовать в 43-ем году.

– Вы видели когда уже гетто расформировали?

– Ну так конечно, люди уже стали возвращаться в свои, ну, кто там, в общем то с ними, это… да, видела. Но, во время войны, еще сюда привезли, мы называли их «гамбургские евреи», оттуда, с заграницы, там они отовсюду, но мы их почему-то называли гамбургскими евреями. И вот когда их в эту Масюковщину гнали, Минск тогда был не такой большой, как теперь, и получается, что мы жили на окраине, недалеко от этой Масюковщины, теперь эта Масюковщина как микрорайон уже теперь, там уже улицы и все, а тогда это был такой. Так вы знаете, гнали по нашей улице евреев, и вот их там расстреливали, так у нас дома было слышно, и я сама видела, не только я, и мама конечно, и бабушка, но бабушка лежала, так она не могла посмотреть в окно. А у нас окна как раз выходили на улицу, на эту вот, где их вели, по какой их гнали

– Так что Вы видели через окно, как их гнали?

– Я вышла…

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Вышли на улицу тоже?

– Не на улицу, а в свой огород, сад, сад, огород вышла и вот, пожалуйста, все на виду.

– Видели колонну

– Колонна да, колонами гнали: детки, старики, Боже мой, они все с котомками (им же сказали, что куда-то переселяться или что, я не знаю), с вещами шли, Боже мой, ну, и немцы, немцы их сопровождали, немцы в зеленых шинелях

– А большая колонна была?

– Большая, длинная. Я не могу сказать сколько там было людей, но очень большая, растянутая колонна

– Вы думаете несколько сотен, или может быть даже больше?

– Вы знаете, мне трудно тогда было определить, да я и вообще и не пыталась определять, я увидела, а сама еще тогда четырнадцать с половиной лет, так вы знаете, ну, может уже и 15 мне было

– Среди этих людей из колонны, Вы кого-нибудь узнали?

– Нет

– Ни одного человека

– Я никого не узнала. Во-первых, я далековато, это ж не так, как мы с вами, а на расстоянии все-таки, ну там было больше этих гамбургских, я так полагаю, потому, что по одежде видно, знаете, они же приехали совершенно

– С другой одеждой

– и другая одежда, и вообще, все другое. Заграничные люди и наши довоенные очень даже, даже по внешнему виду очень отличались. Но я хочу сказать, когда уже прошла

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

эта колонна, и все, то мы эту стрельбу слышали. Мы эту стрельбу слышали, и моя бабушка даже слышала, так вы знаете, она молилась, молилась по-своему, молилась за этих убиенных, и она призывала Божескую кару на них, бабушка, моя бабушка, представляете, она же тоже была примерно в таком же возрасте, как я теперь, старенькая уже была.

– А кроме выстрелов были слышны еще какие-то звуки, голоса, или что-то было слышно?

– Ну, был такой, я бы сказала, назвала бы это воем таким, знаете, ну люди, конечно, кричали, но это все сливалось, и дети плакали, и стрики ж, наверное, и все, ну, в общем, все это сливалось в такой гул, что это, как моя мама говорила: «Мурашки по теле бегают».

– И долго эта стрельба продолжалась?

– Нет, не очень долго, не очень долго. Порасстреляли, порасстреяли

– ну. Минут 10 или 20, или час?

– Я не могу ответить на этот вопрос, я уже просто теперь, знаете,

– Не помните

– Просто не могу сориентироваться даже

– А колонну Вы с какого расстояния видели?

– Ну вот, если… так, наш дом… ну, я не знаю, во всяком случае, как на ладони видно мне все это было, потому, что никаких преград между этой улицей, где они гнали, и нашим садом, огородом…

– не было

– ничего не было, никаких строений, и потому мне было видно на очень широком расстоянии

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– А Вы могли слышать оттуда разговоры в колонне или что-то?

– Нет. А разве они могли говорить? Молча шли, молча. Детки, если только там заплачет какой ребенок, или захнычет, или что

– То есть Вы даже не слышали на каком языке они разговаривали?

– Они не разговаривали между собой. Им, во-первых, не разрешали, не разрешали

– А на одежде у них были какие-то знаки?

– Да, у них желтые такие были латки, как мы по-белорусски говорили, такие нашивки желтые впереди, и сзади на одежде, такие желтые.

– А как себя охранники вели с этими конвоируемыми?

– Обычно

– То есть ничего такого не наблюдали?

– Ничего такого

– А после того, как колонна прошла возле вашего дома, приблизительно через какое время Вы уже стали слышат выстрелы?

– Ну, уже скоро, скоро и стали, скоро и стали выстрелы. Так вы знаете, стрельба это ж не то, что одиночный выстрел, а канонада прямо, та-та-та-та, и знаете

– А Ваш дом, вот Вы говорили об этом месте Масюковщины, он на каком расстоянии находился?

– Ну, от Масюковщины он находился… мы жили, получается в городской черте, хотя и окраина, а Масюковщина от нас далековато была

– Ну примерно в километрах сколько?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Не знаю, я не знаю сколько километров

– Ну больше одного километра?

– Больше, но не намного больше

– Эту колонну, их вели со стороны гетто, оттуда?

– Конечно из гетто, потому как по этой же улице, вот по которой их вели, так там были широкие ворота, уже где им было отведено место, потому, что эта улица очень длинная, очень длинная. Она от Юбилейной площади, а гетто было не только Юбилейная площадь, оно еще и половину этой улицы Кальварийской, теперь она называется Кальварийская, тогда она называлась Опанского, это где мы жили, так вот теперь остановка Максима Танка, а тогда это был 2-ой Опанский переулок, так вот одна половина этого Опанского переулка была под гетто, и там уже была, а вторая половина уже была нет, и ворота были, и они очень, да…

– А после того, как выстрелы закончились и все, Вы пробовали ходить туда, на это место, чтобы увидеть что там?

– Нет

– Никогда не ходили?

– Нет, я бывала там, но…

– уже намного позже?

– намного позже, да

– И там было видно что-нибудь, какие-то следы, могилы, или что-то осталось там?

– Нет, немцы же их когда расстреливали, так они вначале заставили их вырыть себе яму, или может они вначале еще вырыли, но они практиковали чтоб сами себе рыли ямы, а потом засыпали, кто уже засыпал я не знаю.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– А когда немцы возвращались Вы не видели, оттуда, с Маюковщины, по дороге?

– Вы знаете, я уже и не смотрела. Ну, машины ходили, может быть они на машинах уезжали, может что, но я уже и не смотрела.

– Это было единственный раз, когда Вы видели колонну людей чтобы выводили?

– По нашей улице да

– А по другим улицам видели?

– А как я могла видеть по другим

– Не знаю, если Вы бы оказались случайно в какой-то другой части города

– Нет

– Нет, не видели.

А семья Давидсонов, они выжили?

– Да, они ушли в партизаны. Все остались живы, все остались живы, и вернулись в 44-ом году. Ну, заняли свой же дом, который уже… И, в общем-то, жили хорошо и дети стали в школу ходить учиться. Все время мы поддерживали добрые отношения, добрые очень

– А много людей еврейской национальности вернулось в 44-ом, выжило, удалось им как спастись?

– Ну, прилично, но, вы знаете, да, много же уходило в партизаны, много людей.

– То есть те люди, которые обычно убегали к партизанам

– Да, остались живы, вернулись все и в 44-ом году потянулись уже люди, которые в эвакуации, уже потянулись все с эвакуации

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– А те, которые были в гетто, как бы из них, спаслись какие-то?

– Ну, из них спаслись только те, кто смог убежать, и кого смогли так… ну, многие же уходили в партизаны, не только в последний, как наши, и раньше ж еще уходили, и все, но гетто много-много. У Кузьмы Ивановича по-моему есть даже число, правда же.

– Я еще хотела спросить, расскажите пожалуйста, кроме евреев тогда убивали людей других национальностей, именно мирное гражданское население?

– Цыган

– Цыган?

– Цыган

– Откуда Вам известно про это?

– Мы же коренные минчане, мы же коренные минчане, так знаем и жили там, так знаем. Немцы ж писали и в этих тоже, что вот то так, то так.

– Где писали «в этих»?

– На своих этих листовках, что и цыганам надо какие-то… в общем-то да, цыган тоже

– Но Вы лично не наблюдали ничего связанного с цыганами?

– Нет, не наблюдала. Вот я наблюдала вот только эту колонну по нашей улице, вот, это я наблюдала, это вся наша семья наблюдала, но семья маленькая была, как я вам уже сказала

– А белорусов или русских, или украинцев не убивали тогда, в те годы?

– Почему не убивали? Убивали.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Вы лично что-то наблюдали, видели убитых?

– Нет. Повешенных я видела

– Где видели?

– В первый год войны, в первые эти, повешенных видела на улицах Минска

– И много таких повешенных Вы видели?

– Ну, это же не массово

– Ну сколько людей там было повешенных, один, два или..?

– Трое было рядом повешенных, и у них здесь (*на груди*) такие, что бандиты партизаны.

– Это были мужчины все, или женщины тоже?

– И женщины были

– Это были молодые люди или в возрасте?

– Нет, это были молодые люди. Ну, средний возраст, если можно так сказать

– И это единственный раз, когда Вы видели повешенных?

– Да, я повешенных видела только раз, я повешенных видела раз. Я старалась не ходить, мама меня и не пускала, знаете, это теперь кажется 15 лет так это уже барышня, а тогда ж мы были еще дети, и вот мое поколение, люди моего поколения не знают юности, мы с детства шагнули во взрослую жизнь, причем такую страшную, ужас

– Скажите пожалуйста, в те годы войны, Вы военнопленных не видели советских?

– Видела. В первые дни войны их тоже гнали по нашей улице. Ой, это было что-то. К ним не подпускали, мы подходили, приносили им хлеб и чего-нибудь. Они такие

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

изможденные были, такие были изможденные, Боже мой. Они друг друга поддерживали, вот это да, гнали по нашей тоже улице, потому, что наша улица как раз

– И много было этих военнопленных?

– Ой, тьма, тьма, тьма

– Их конвоировали

– Конечно

– Немцы или полицаи?

– Нет, их немцы

– Только немцы?

– Немцы, их немцы. Это ж было сразу, сразу, вот это уже начало войны, какие еще полицаи, это немцы только

– И много было охраны там?

– Да, да, да

– А как вели себя немцы с этими военнопленными?

– По-зверски, потому, что и раненые шли, они друг друга поддерживали, они изможденные уже, изголодавшие, и уже обескровленные многие, друг друга поддерживают, так падают, так немцы стреляли

– Вы видели лично чтобы стреляли?

– Да.

– Да?

– Да.

– И убили кого-то?

– Нет, что б так… Да! Одного так видела. Упал, так сбился ряд их, ряд сбился там они там что-то закричали по-

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

немецки, закричали, но оттянули, и малины там какие-то были, так увезли, не оставили на

– В смысле этого человека, которого ни убили, увезли?

– Убили, да, увезли.

– Так что Вы видели даже как стреляли в него?

– Слышала

– Слышали, но Вы не видели, как он упал?

– Нет, это я не видела

– То есть Вы просто слышали выстрел?

– Слышала, а потом этот вот их заминку, заминку, потому, что ну сбилось же, человек как, надо ж его, так. Но у них моментально, или я не знаю, или они по радио там сообщали, или что, моментально

– Подошла машина

– Подошла машина и они перестроились, и погнали их дальше, а этого забрали

– Вы видели так, чтобы они били этих конвоируемых, или там, потому, что Вы говорите, что по-зверски вели себя?

– Ну конечно, ну если гонят людей, живых людей, а вооруженные солдаты гонят людей и подталкивают прикладом, чтоб они там не вышли за это, подталкивали. Ну разве это по-человечески?

– А удавалась передать, как бы, им хлеб?

– Вот нет, я ж говорю, что выходили, так отгоняли, и даже не за что. Некоторые женщины бросали им хлеб. Ну, поймают или не поймают, знаете, это…

– Это единственный раз, когда Вы видели военнопленных, или были еще случаи какие-то наблюдать приходилось?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Нет, несколько раз гнали, несколько раз. Ну, раза три, наверное, не больше

– Это буквально в тот же период, в те самые первые дни?

– Да, в начале войны, в начале войны, потому, что им же сделали в Дроздах, вот Дрозды есть у нас такой, дык там их некоторое время держали

– Лагерь какой-то?

– Лагерь, да, да, да. Лагерь сделали в дроздах, их там некоторое время держали, а потом их уничтожили, но уже это я

– Понаслышке знаете

– Почему понаслышке, знаю, что там был лагерь и его нет

– Вы когда-нибудь лагерь видели там?

– Нет, я туда в Дрозды, я не ходила в лагерь, ну чего ж я пойду в лагерь

– Но Вы говорите, что был лагерь, а потом нет. Откуда Вы знаете?

– Вы думаете сколько он был. Он же ш был очень недолго, очень не долго был.

– Но Вам люди рассказывали, что там был лагерь?

– Да

– Понятно

– Так мы и знали, потому, что, как же, люди ж жили там

– А что случилось со всем имуществом минских евреев, тех, которых забрали в гетто, потом расстреляли, сто случилось?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Забирали, наверное, разграбили, да, разграбили, Боже мой, те же полицаи.

– Спасибо Вам. Мы остановимся здесь пока что.

– Хорошо